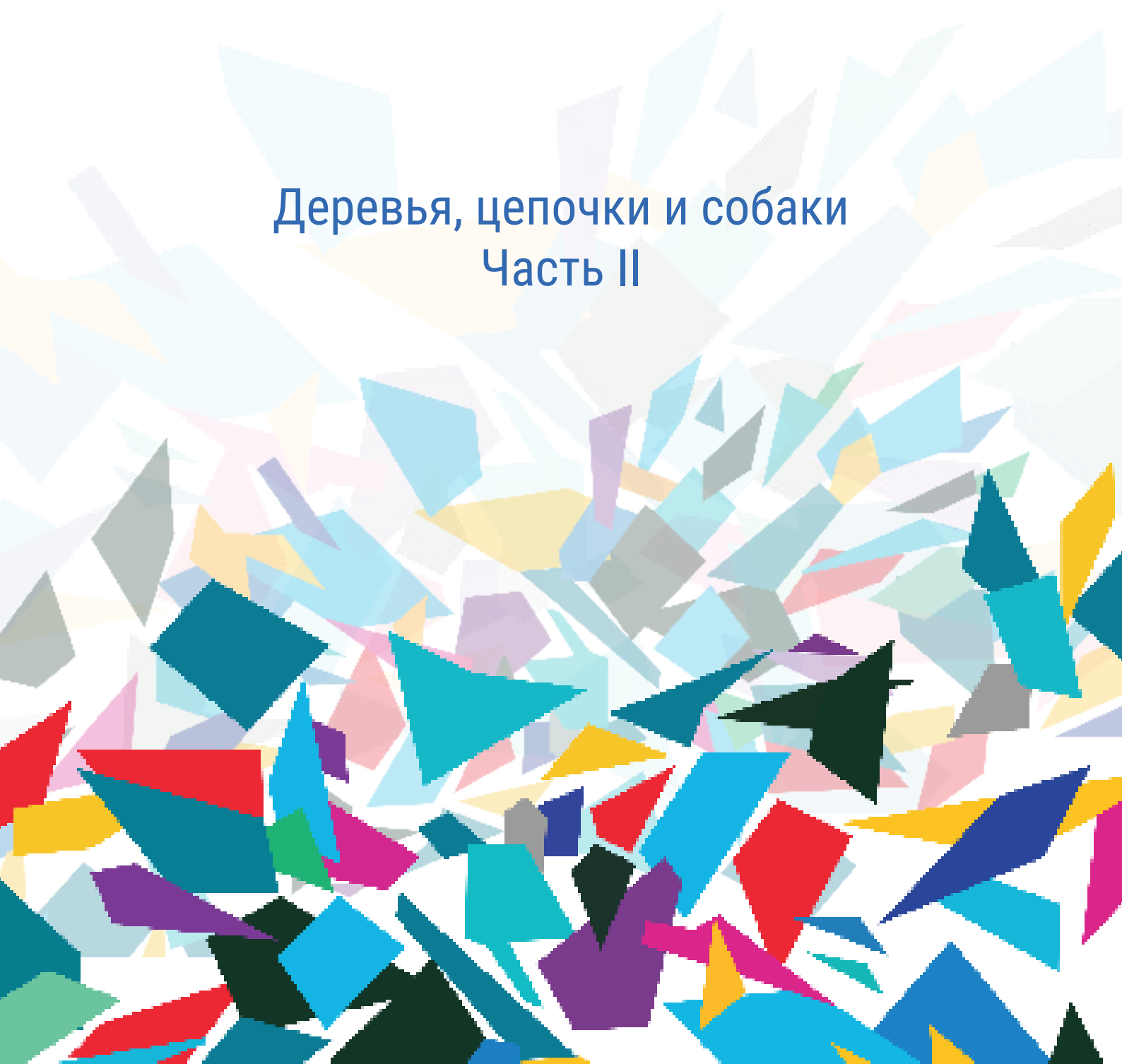

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Деревья, цепочки и собаки
Часть II

Собственно, о собачках мы уже поговорили, рассмотрев фразы «Собака кусает человека» и «Человек кусает собаку». Мы поняли, что между ними огромная смысловая разница. Разница заключается в особом мыслительном коде. И это явление Стивен Пинкер (вслед за Хомским) называет «генеративной грамматикой», рассматривая грамматику как дискретную комбинаторную систему. То есть, когда есть несколько базовых элементов, которые комбинируются в конечное число групп. А эти базовые группы могут комбинироваться в бесконечное количество форм и вариантов. Одним из таких кодов, конечно, является грамматический синтаксис и порядок слов.

Стивен Пинкер говорит, что мы интуитивно чувствуем грамматическую неправильность фразы. Для Пинкера это свидетельство интуитивной природы языка.

Есть и другое явление, о котором Пинкер тоже говорит очень интересно. Дело в том, что грамматически верно построенная фраза, не вызывает у нас отторжения, даже если она бессмысленна. Это часто случается в академической среде. Ноам Хомский привел любительский пример «Бесцветные зеленые мысли спят яростно». И по-английски, и в русском переводе это звучит правильно. Мы даже склонны искать в этом какой-то смысл. Но это предложение Хомский изобрел специально для того, чтобы показать, что синтаксис и смысловой код могут существовать совершенно независимо друг от друга.

По какому же принципу работает эта комбинаторная система? В этой лекции я хочу рассказать о двух принципах, о которых идет речь. Первый принцип – это грамматические цепочки. С самого начала появления и развития языкознания очень долгое время считалось, что язык состоит из цепочек слов. Но Хомский в своих базовых работах заподозрил неладное. Он доказал, что язык не обязательно организован по принципу цепочек. Далеко не всегда первое слово (существительное) может подразумевать какое-то определенное действие (глагол) или какой-то эпитет (определение). Вариантов бесконечное множество, независимо от их смысла.

Вы знаете, что есть такие компьютерные программы – генераторы цепочек слов. В качестве примера возьмем три столбца слов. В первом столбце будут: диалектические, бессмысленные, позитивистские, предикативные, многосторонние, количественные, синхронные, дифференцированные, индуктивные, объединенные, дистрибутивные, дивергентные. Во втором столбце будут слова, которые отражают мыслекод с более понятным значением: совместный, дегенеративный, совокупный, симулированный, однородный, преобразующий, варьирующий, объединенный, прогрессивный, дополнительный, выделительный. А в третьем столбце Пинкер приводит ряд существительных: взаимозависимость, рассеивание, периодичность, синтез, достаточность, равноценность, ожидаемость, пластичность, конструктивизм, деформация, отверделость.

Так вот самое интересное, что мы можем брать наугад любое слово из первого столбца, присоединять к нему любое слово из второго столбца и завершить любым словом из третьего столбца. В итоге мы получим нечто, что будет звучать как весомый научный термин. Идуктивная дополняющая взаимозависимость, многосторонне симулированная достаточность, дивергентно преобразующая ожидаемость. Что это – никто не знает, но звучит солидно.

Могут сказать, что цепочками таких слов пользуются ученые в неформализованных дисциплинах. Например, критики в искусствознании часто пишут тексты, нанизывая подобные слова, мало задумываясь о содержании. Конечно, нормальный человек такое читать не может.

Я привел этот длинный пример только для того, чтобы показать, в чем правы Хомский и Пинкер. Потому что язык, действительно, не состоит из последовательных цепочек. И правильный порядок слов, которым нас учат преподаватели английского, немецкого, французского или других языков вообще не имеет никакого значения. Он имеет значение, но по-другому. Ведь если в английском и во французском порядок слов прямой, то в немецком языке это правило соблюдается не так строго. В казахском языке порядок слов всегда прямой, сначала идет подлежащее, а потом предикат (субъект). А вот в японском языке все наоборот.

Хомский, а вслед за ним и Пинкер говорят, что нет смысла заучивать правила порядка слов. Учить нужно не порядок слов, а порядок синтаксических групп, из которых состоят фразы и предложения. Язык – это не цепочки слов, это деревья, которые очень строго организованы. Ребенок запоминает не порядок слов, порядок синтаксических групп.

Я не буду утомлять зрителя этими выкладками, но это очень интересная глава о том, как работает грамматика. В ней много убедительных примеров и схем построения предложений. Если для кого-то сложна книга «Язык как инстинкт», то можно прочесть только эту главу. Это поможет продвинуться в не только английского, но и любого иностранного языка.

Вкратце это можно свести к тому, что существует всего несколько синтаксических групп. Это номинативная группа, то есть группа, связанная с подлежащим (кто автор действия, кто субъект). Тот, от кого действие исходит, называется номинативом. Обычно это имя существительное, местоимение или сложносоставное подлежащее.

Вербальная группа – это глагольная группа. Таким образом, простейшее предложение «Этот радостный мальчик ест мороженое» разбивается на две ветки – номинативную и глагольную. Номинативная, в свою очередь, разбивается на артикл (как указание, что это конкретный мальчик). Ждесь еще к существительному добавляется прилагательное – радостный «мальчик». Глагольная группа тоже проста – «ест мороженое». Можно есть, кусать, размазывать... У нас в сознании находится эта схема, это дерево. Можно подставлять любые слова, фраза все равно будет грамматически верна. Можно сказать: «Та грустная девочка размазывает кетчуп». И таких вариантов – бесконечное множество. Простая схема, состоящая из так называемых синтагматических гнезд.

Пинкер рассматривает и более сложные варианты. Допустим, категория сослагательности в разных языках выражается совершенно по-разному. При этом в английском и в русском языках союз «если» стоит особняком, но он задает мыслекоду правильную форму.

Мыслекодов – бесконечное множество, предложений бесконечное множество. А грамматических гнезд – ограниченное количество и принципов действия грамматики – ограниченное количество. В этом, конечно, великое чудо, которое позволяет Пинкеру и Хомскому говорить о том, что существует врожденная, генеративная грамматика. То есть, врожденная способность усваивать схемы.

Но как на самом деле это происходит? Они говорят: «Дегенератор цепочек слов – это просто одно несчастное слово, идущее после другого. Но для грамматики то, как слова соединены в дереве, отражается соотношением мыслей в мыслекоде». Это то, что позволяет связать паутину мыслей в удобоваримую, удобочитаемую или удобовоспринимаемую фразу.

Пинкер как ученый, как выдающийся лингвист и как психолог делает не большой укол в сторону своих коллег, которые, уцепившись за идею Хомского, стали изучать языки и грамматику, еще более усложняя ее. И таких примеров, действительно, много. Послушайте:

«Суммируя, мы приходим к следующим заключениям, при допущении того, что след категории нулевого уровня должен быть надлежащим образом управляем. Вербальной группой является: а) маркированной финитной формой два... Совместная индексация 1 и 5. А и 5 является формой согласования типа вершины к вершине...».

Таких текстов появилось очень много. И, может быть, именно этот фактор снизил интерес к переводу этих работ. Конечно, снизилась популярность и самой книги «Язык как инстинкт» среди русскоязычного научного читателя. Мне хотелось бы нашими лекциями реабилитировать эту книгу. Сам Стивен Пинкер категорически против такого заумного, псевдонаучного подхода, где при соблюдении правильного грамматического дерева смысл понять очень сложно. Англосаксонская и Романская научные традиции грешат этим, что и говорить.

Я рекомендую прочесть главу «Грамматика за работой». Здесь есть еще один важный момент. Хомский предполагает, что сверхправила, в которых нет упоминания о порядке слов, являются универсальными и врожденными. Когда дети овладевают тем или иным языком, им нет необходимости заучивать длинный список правил. Потому что они родились со знанием сверхправил. Здесь с этим можно поспорить. Возьмите детей из двуязычных семей, которые уже в два с половиной года прекрасно дифференцируют две системы. То есть, подстраивают свои мыслекоды под одну и под одну грамматическую систему. Это как раз опровергает теорию Хомского.

Кстати, ни Хомский, ни Пинкер не уделяют особого внимания проблеме билингвизма. Хотя эта тема очень активно изучалась в западной психологии как раз в 90-е годы. Но в книге об этом ничего нет. И это странно. А, может быть, это объясняется тем, что сами ученые являются билингвами. Стивен Пинкер – уроженец Квебека. Он, наверняка, знает французский язык.

Хомский – лингвист, который владеет несколькими языками. Странно, что они не наблюдают за формированием языка у детей в полиязычных семьях. А это очень интересная тема.

Но суть их заключения – это выводы в том, что в три года ребенок переживает языковой взрыв. Когда ребенок вдруг начинает говорить без остановки длинными, развернутыми фразами. Не потому, что он вдруг заучил все правила и запомнил порядок слов. Нет! Это происходит тогда, когда ребенок понимает грамматический код, эти сверхправила.словно он друг переключает рубильники из одного положения в другое. Но значит ли это, что у двуязычных детей две грамматические системы являются врожденными? Это, конечно, не так. И это не выдерживает никакой критики.

Есть ведь еще и такое явление, как языковая интерференция. И эти «рубильнички» переключаются далеко не всегда. Представим одну грамматическую систему как дерево и вторую грамматическую систему как дерево. Переключиться с одной на другую или не переключиться можно очень легко. Здесь Пинкер приводит свои примеры о том, как англоязычные программисты написали объявление на смеси английского и немецкого языков. Они употребляли английские слова как основные, а вспомогательные слова (местоимения, предлоги, союзы) вставляли из немецкого языка.

Какой вывод делает Стивен Пинкер? «Грамматика, являясь формой ментального программного обеспечения, отражает команды, данные органом речи или ментальный сценарий того, как обычно взаимодействуют люди и вещи. На самом деле это не так. Грамматика – это протокол передачи данных, который должен соединять слух, речевой аппарат и разум, три совершенно разных вида механизмов. Он не может быть приспособлен ни к одному из них, но должен иметь свою собственную абстрактную логику». Это означает, звуковое оформление мыслекода, которое является явлением психики, может быть организовано только через интуитивно воспринимаемую, усвояемую систему, которой является грамматика.